

Анатолий Нутрихин

Чехословакия-68

Пльзеньская осень

Воспоминания
советского
военного
переводчика

Анатолий Нутрихин

**Чехословакия-68. Пльзеньская
осень. Воспоминания советского
военного переводчика**

«Издательские решения»

Нутрихин А.

Чехословакия-68. Пльзеньская осень. Воспоминания советского военного переводчика / А. Нутрихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904802-8

Воспоминания журналиста, призванного из запаса в 1968 году в Советскую армию и отправленного в Чехословакию в качестве переводчика. Автор рассказывает о событиях Пражской весны, о работе в Миловицах, где располагался штаб Центральной группы советских войск. Читатель также познакомится с деятельностью комендатуры в Пльзени, узнает о её общении с горожанами, среди которых было немало друзей. Повествование дополняют фотографии, сделанные самим автором, и документы из его личного архива.

ISBN 978-5-44-904802-8

© Нутрихин А.
© Издательские решения

Содержание

Повестка	6
В студенческую пору	7
В столице	9
«Пражская весна»	10
На казарменном положении	12
Здравствуй, Чехословакия!	13
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Чехословакия-68. Пльзеньская осень

Воспоминания советского военного переводчика

Анатолий Нутрихин

Фотограф Анатолий Нутрихин

Редактор Наталья Нутрихина

© Анатолий Нутрихин, 2018

© Анатолий Нутрихин, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-4802-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В 1968 году в Чехословакии произошли события под общим названием «Пражская весна», которые до сих пор привлекают внимание историков, социологов, экономистов и просто широкой публики. О тех событиях спорят, размышляют, что тогда произошло, возможен ли «улучшенный социализм» и что получилось сегодня у чехов и словаков. На эту тему созданы художественные и документальные фильмы, написаны мемуары современников. Поделюсь своими воспоминаниями я – тогда советский офицер, военный переводчик.

Повестка

В стенном шкафу висит моя армейская гимнастерка, еще храню полевые лейтенантские погоны. О прошлом напоминает и лаконичная запись в военном билете:

«В 1968 году прошёл военные сборы при Институте иностранных языков по должности военного переводчика с 31.7 по 31.10. Начальник отдела кадров полковник Дзюбий».

Возникло желание мысленно перенестись в то далёкое прошлое. Как начать свой рассказ? Пожалуй, так: в июле 1968 года я – литературный сотрудник ленинградской газеты «Телевидение. Радио» – во время отпуска плавал вместе с сыном две недели по Волге на туристическом теплоходе «Плеханов». Это было приятное и увлекательное путешествие. Остаток отпуска я проводил в пригородном посёлке Мартышкино. Сюда и прислали повестку явиться в комиссариат Фрунзенского района Ленинграда, где я состоял на учёте как офицер запаса.

В 1954 году я окончил филологический факультет Ленинградского университета. Вуз имел военную кафедру, и мне присвоили звание младшего лейтенанта, командира стрелкового взвода. За последовавшие четырнадцать лет штатской жизни, пару раз побывав на военных сборах без отрыва от производства, я к 1968 году «дослужился» до лейтенанта, и мои погоны украшали уже две скромные звездочки. Когда знакомые чехи спрашивали, почему чин не по возрасту (мне было 38 лет), я, словно извиняясь, пояснял, что, мол, – офицер запаса (jsem dustoinik v zaloze), и любопытные удовлетворенно кивали.

А.И.Нутрихин, 1968 год

О причине вызова на военные сборы догадаться было нетрудно. Средства массовой информации уже не один месяц сообщали о сложной общественно-политической обстановке в Чехословакии, а в моей учётной карточке военнообязанного имелась запись: «владеет чешским языком».

В студенческую пору

С этим языком я познакомился на переводческом отделении филологического факультета Ленинградского государственного университета. На славянской кафедре переводчиков готовили в четырех группах: чешской, польской, сербской и болгарской. Осенью 1948 года после успешной сдачи приемных экзаменов мне предоставили возможность выбрать одну из этих групп, и я предпочёл первую. Чехословакия считалась наиболее развитой в культурном и экономическом плане восточноевропейской страной.

Будущие слависты штудировали историю, географию, литературу и язык того или иного народа. Преподавали знатоки этих предметов, учили основательно. Правда, позднее, в Чехословакии, я почувствовал, что недостаточно владею разговорной речью. Предполагалось, что будущие переводчики попрактикуются в речи на последнем курсе, во время годовой зарубежной стажировки в Чехословакии. Однако наш иностранный вояж министерство образования отменило, и летом 1951 года: «чехов» послали на практику: одних в Закарпатье, в села, где жили русины, говорившие «почти по-чешски», а других, в том числе и меня, – в Москву.

Анатолий Нутрихин, студент, 1950 год

В столице в течение месяца я работал во всесоюзном журнале «Славяне», размещавшемся в старинном особняке на улице Кропоткина, 10. Каждый день мне поручали перевести на русский несколько газетных статей или заметок на этнографические темы, после чего я был свободен. Мои товарищи трудились в других учреждениях. Поселили нас в студенческом общежитии Московского университета на Стромынке, 32. В комнате было несколько человек. На конце длинного, во весь этаж, коридора располагались кухня, умывальня, душ и уборные.

В связи с летними каникулами большинство иногородних обитателей общежития уехали в родные края. В иное время года я мог бы встретить здесь Михаила Горбачёва! Будущий президент Советского Союза – тогда студент юридического факультета Московского университета – обитал в этом общежитии вместе со своим чехословацким другом – студентом Зденком Млынаржем. «Мы с ним дружили до конца его жизни», – сказал на склоне лет Михаил Сергеевич.

В зрелые годы Млынарж стал приверженцем идей «демократического социализма». В нём, европейце, рано зародились зёрна сомнения в правильности ряда марксистских идей, возникло недовольство качеством жизни в Советском Союзе. В своей книге «Мороз ударил из Кремля» Млынарж пишет, что его не удовлетворяли условия послевоенной жизни советских людей. Они, по его мнению, питались плохо, мужчины донашивали армейскую форму. Москва казалась Зденку большой деревней с обилием пьяных, лежащих на земле: их не поднимали, а перешагивали и шли дальше.

Я помню то время: Млынарж сгустил краски, рисуя картину жизни тогдашней столицы, хотя в чём-то был прав. Последствия варварского нашествия фашистской Германии долго сказывались на уровне жизни населения. Но страна залечивала раны, уже в 1947 году правительство отменило карточную систему, постепенно восстанавливались промышленность и сельское хозяйство. Проблем, неувязок было немало. Возникали они и в системе университетского образования. Например, на предпоследнем курсе в деканате нам объявили, что выпускников-славистов не смогут распределить – то есть, обеспечить работой – по специальности «переводчики». Нам предложили сделать выбор: дополнительно сдавать экзамены по программе отделения журналистики или русистики, чтобы иметь по окончании вуза соответствующие профессии. Я получил диплом слависта-филолога и преподавателя русской словесности.

В столице

По рекомендации знакомого однокурсника меня взяли на работу в Лениздат – самое крупное издательство города на Неве. Я трудился там поначалу младшим редактором в отделе общественно-политической литературы, редактором в сельскохозяйственном отделе и затем около полувека сотрудником в газете «Телевидение. Радио».

Редакционное дело поглощало всё время и силы. К 1968 году я подзабыл чешский язык: читать мог, но говорил с трудом. Однако в военкомате, отправляя меня «на военные сборы», не поинтересовались уровнем лингвистических знаний. А в отделе кадров издательства быстро оформили бессрочный отпуск, пообещав семье выплату моего жалования.

И вот позади прощание на вокзале с родными и друзьями. Ритмично постукивают колеса поезда «Ленинград – Москва». В вагоне еще несколько мобилизованных знатоков чешского языка: сотрудник редакции художественной литературы Лениздата; преподаватель филологического факультета ЛГУ; научный работник Института русской литературы; инженер с Кировского завода; архитектор и еще два молодых питерских интеллигента. Ехали мы в двух купе, пили вино, говорили, как обычно бывает в дороге.

В Москве сообща пообедали в ресторане «Славянский базар» и направились в Военный институт иностранных языков. Там, в своём кабинете, с переводчиками беседовал начальник вуза, генерал-полковник Андрей Матвеевич Андреев, кадровый военный, Герой Советского Союза. Он дал понять, что нам, возможно, придётся поработать какое-то время за границей. Всё зависит от того, как сложатся взаимоотношения руководства СССР и ЧССР.

Переводчиков со славянских языков в институте Конечно, не готовили. Трудно было предположить, что таковые потребуются. Вот и пришлось срочно привлекать штатских из Москвы, Ленинграда и других городов. Набрали десятка три людей, владеющих в разной степени чешским или словацким языком.

На казарменном положении мы питали повышенный интерес к событиям, происходившим в Чехословакии. Хотелось, чтобы неоднократные межправительственные переговоры благополучно завершились и мы могли вернуться в свои дома.

«Пражская весна»

Общая картина событий, происходивших в Чехословакии, мне и моим товарищам была неясна. О них мы узнавали из газет и передач радио. Некоторые сведения поступали от преподавателей института, которые перед началом занятий отвечали на наши вопросы. Много прояснилось для меня позднее.

В январе 1968 года Первый секретарь Центрального комитета компартии Чехословакии Антонин Новотный – коммунист с 1921 года, узник гитлеровского концлагеря Маутхаузена, опытный руководитель, немало сделавший для реабилитации политзаключенных – лишился своего поста. Вождь партии и Президент, Новотный как государственный препятствовал федерализации страны, разделению её на Чехию и Словакию. Его позиция вызвала недовольство части словацких функционеров.

На пленуме Президиума Центрального комитета партии состоялись выборы нового Первого секретаря. Избрали словака Александра Дубчека – в прошлом выпускника Высшей партийной школы при ЦК КПСС, 1924 года рождения. Он был на двадцать лет моложе предшественника. Ему доверяла Москва. Он свободно говорил по-русски и понравился Леониду Брежневу, который поддержал Дубчека.

В марте Новотный лишился и должности Президента. По новому закону, посты Первого секретаря и Президента не мог занимать один человек. 30 марта Президентом страны был избран генерал армии Людвик Свобода, – бывший командир чехословацкого корпуса, в составе Красной армии освобождавшего свою страну от гитлеровских оккупантов.

Зденек Млынарж вспоминает, что Дубчек на торжественных проводах Новотного в отставку поцеловал старшего товарища. Однако вскоре он вынудил уволиться всю команду Новотного: министра внутренних дел, генерального прокурора, председателя Центрального совета профсоюзов. Он сформировал себе новую команду.

В апреле правительство возглавил Олдржих Черник. Председателем Национального собрания был Йозеф Смрковский, председателем Национального фронта – Франтишек Кригл. В роли идеолога «Пражской весны» выступил вице-премьер Зденек Млынарж. Экономикой занимался другой вице-премьер – Ота Шик, сторонник внедрения рыночных отношений в промышленность и торговлю.

Чехословацкий агитационный плакат, на котором запечатлены руководители ЧССР. Плакат доставлен патрулём в начале августа в советскую комендатуру Пльзени

В стране были разрешены многопартийность, политические клубы, отменена цензура, фактически распущен комсомол, подобная участь ждала рабочую милицию. Реформы осуществлялись под девизом: «Социализм с человеческим лицом». Автором этого привлекательного и алогичного термина (ведь лицо может быть только у человека) считается учёный-марксист Радован Рихта, директор Института социологии и философии, занимавший эту должность при двух президентах Александре Дубчеке и позднее – Густаве Гусаке. Значительное количество людей восприняло термин «Социализм с человеческим лицом» как обещание земного рая. Расставаться со светлой мечтой-иллюзией всегда трудно.

Вскоре Александр Дубчек понял, что ошибся, отправив в отставку опытных и властных бюрократов из окружения Новотного. Оппозиционные журналисты эмоциональными выступлениями в прессе, по телевидению и радио провоцировали кремлевские власти на ввод в Чехословакию своих войск. А Дубчек теперь не имел действенных рычагов воздействия на прессу. Центрист, он хотел реформировать страну постепенно, без лишних криков и шума, а так уже не получалось.

В июне в газетах появилась привлекавшая всеобщее внимание статья журналиста-диссидента Людвика Вацулика «Две тысячи слов» – своеобразный манифест оппозиции, который подписали семьдесят представителей творческой интеллигенции. В статье много говорилось о свободе и демократии. Вместе с тем, адресованная широким слоям населения, она свидетельствовала, что в стране появились силы более могущественные и радикальные, чем правительство. При необходимости они готовы выступить на его защиту «с оружием в руках» при условии, что оно будет выполнять программу этих «сил», ориентированных на западную Европу и вступление в НАТО.

В Москве Леонид Ильич Брежнев и его соратники восприняли «Две тысячи слов» как сигнал о вступлении Чехословакии на капиталистический путь развития и, главное, *как возможную потерю её для блока социалистических стран.*

Словно подтверждая эти опасения Кремля, руководство ЧССР, потребовало вывода из страны 16 тысяч советских войск, оставшихся после маневров под названием «Шумава». В июле эти подразделения вывели. Однако антисоветские настроения в Чехословакии нарастали. В роли авангарда недовольных существующим порядком вещей выступала политизированная часть студенчества.

Во многом аналогичные выступления молодежи из среднего слоя общества, безработных и деклассированных элементов происходили в 1968 году ряде стран Европы. Зимой в Италии вышли на демонстрации протеста студенты нескольких университетов. Их поддерживали рабочие предприятий Милана, Турина и других городов, выдвинувшие экономические требования. Социальное брожение не утихло в Италии до середины восьмидесятых годов.

Во Франции мятежный «Красный май» сотрясал Париж и другие города. Законные выступления вузовской молодежи против неудачных реформ в системе высшего образования вылились в уличные беспорядки, сооружение баррикад и кровавые столкновения с полицией. Участники этого движения провозглашали гремучую смесь идей анархизма, индивидуализма, «сексуальной революции» и пацифизма. В меньшем масштабе подобное происходило тогда в Польше.

В Чехословакии в 1968 году радикально настроенная часть молодежи не представляла себе ни цены «победы», ни того, какая жизнь будет после неё. Стимулы бунта – некоторые ошибки руководства страны в экономической политике, вечный «конфликт поколений». Толчок всему дала московская «оттепель». Мавзолей вождя чехословацких коммунистов Клемента Готвальда был ликвидирован еще в 1962 году.

На казарменном положении

Я жил в Москве уже две недели. Некоторое представление о моем столичном существовании дают письма родным. Вот отрывок из одного них: «Здравствуйте, дорогие! В моей жизни особых изменений нет. Я нахожусь в институте. Режим занятий и сборов пока неустойчивый. Ходим мы в гражданской одежде и имеем право ежедневного выхода в город с 15-ти до 23-х часов. В столовую ходим самостоятельно. Котлового питания нет, то есть, питаемся за свой счёт согласно собственному вкусу и карману. Выдают нам вещевое довольствие из расчета 80 коп. в сутки и 90 коп. на пищевое довольствие – итого: 1 рубль 70 коп. При здешних столовских ценах – сумма невелика. Выдают деньги раз в десять дней, некоторые товарищи неравномерно расходовали монету и в результате живут, затянув пояса.

Занятия начинаются в девять часов утра и кончаются в два. Я встаю в семь, умываюсь, делаю небольшую зарядку и иду в студенческую столовую, до которой минут пятнадцать ходьбы. У нас есть телевизор. Во дворе – спортивная площадка. В комнате живут пять человек, все ленинградцы. Народ разный, но в житейском смысле хороший.

Вопрос о сроках нахождения нас в Москве весьма неясен. Никто – даже непосредственные начальники – не знает, как долго нас будут здесь держать. Может, месяц, может, все три, хотя мы надеемся на лучшее.

Читаем газеты, следим за международной обстановкой, что, наверное, делаете и вы, и заметили, что совещание в Братиславе способствовало улучшению отношений и укреплению дружбы между социалистическими странами, со всеми вытекающими последствиями... Сегодня с нами говорило высокое начальство. Месяц будем здесь уж точно. А как дальше – увидим. Дадут форму для постоянного ношения...».

На занятиях в институте мы ежедневно штудировали чешскую военную лексику, изучали организацию вооруженных сил ЧССР, их традиции, названия подразделений, права и обязанности командного и рядового состава. Надо также знать воинские звания, различия в форме всех родов войск и правила общения с представителями союзной и враждебной армии.

Занимался с нами знаток своего дела – подполковник Кошелев, прослуживший в Чехословакии военным советником несколько лет. Учёба свелась к записи лекций, зачета или экзамена мы не сдавали. Руководил группой полковник Сметанин. В неё входило человек сорок, в основном, – москвичи, но были и иногородние. Я познакомился с Юрием Сурковым из московского Института экономики и инженером из Электростали Эдуардом Хахалевым. Втроём мы перевели материалы Чехословацкой общевойсковой конференции. Преподаватели к нам относились уважительно, держались почти на равных, чего не наблюдалось на обычных воинских сборах. Очевидно, институтское начальство учитывало возможность нашего использования уже в ближайшее время.

В свободное время мы посещали кинотеатры, выставки, совершали групповые прогулки, обычно вчетвером, в ходе которых говорили о положении в Чехословакии, спорили, не ощущая близкого конца нашей институтской жизни.

Здравствуй, Чехословакия!

В субботу 19 августа 1968 года я самовольно уехал в Ленинград на выходной день. А когда вернулся, узнал, что в институте объявлена тревога. Почти все наши ребята переоделись в форму нового образца, бежевую генштабовскую. Я поспешил на склад, где мне достались обычная новая армейская и, к сожалению, пилотка, а не фуражка.

В тот же день сводную группу переводчиков доставили на автобусе в Подольск. Там мне сделали очередную отметку в военном билете: *«Призван на учебные сборы 20 августа 1968 года Подольским ОГВК. Подольский горвоенком, подполковник Покровский»*.

Переводчикам выдали на складе оружие, и я стал обладателем пистолета Макаров, правда, без патронов. В Чехословакии неполную обойму подарил подружившийся со мной капитан Георгий Павловец – дивизионный автоинспектор. За рубежом я не выстрелил ни разу, даже не потренировался. Правда, с оружием не расставался.

21 августа утром по Всесоюзному радио и Центральному телевидению объявили, что наши войска перешли границу Чехословакии. Они были приглашены Алоисом Индрой, Василем Биляком, Драгомиром Кольдером, Антонином Капекком, Олдржихом Швесткой и другими руководителями партии и правительства.

16 августа Александр Дубчек попросил у Леонида Брежнева военной помощи, и генсек ему обещал (свидетельство дипломата Валентина Фалина, запись телефонного разговора сохранилась).

20 августа о вводе войск был оповещен министр национальной обороны ЧССР, генерал Мартин Дзур. Ему позвонил министр обороны СССР, маршал Андрей Гречко и потребовал, чтобы армия ЧССР не оказывала вооруженного сопротивления. Дзур обещал и сдержал слово. Это было важно: чехословацкие войска насчитывали более 200 тысяч человек. Советское командование, со своей стороны, распорядилось открывать только ответный огонь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.